

Солодкин Я.Г.
**К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛЕТОПИСНЫХ ИЗВЕСТИЙ О ЗИМОВКАХ
В ИСКЕРЕ «ЕРМАКОВЫХ КАЗАКОВ»**

О перипетиях «Ермаковой эпопеи» нам известно главным образом по летописным источникам XVII – первой половины XVIII в. Степень достоверности сообщений этих источников весьма противоречиво определяется учеными. Примером тому служат интерпретации летописных свидетельств о зимовках казачьего «войска» в Искере (Сибири, Кашлыкe), вернее, первой (1582/83 г.) и последней (1584/85 г.) из них.

Бояр (Баяр) – единственный среди остяцких князей, по имени названный в Основных редакциях Есиповской и Строгановской летописей (далее – ОЕЛ и ОСЛ соответственно), а также в их многочисленных разновидностях [ср. 5, с. 54, 60, 71, 124, 131–132, 134, 380, и др.], – с дарами и запасами (или подарками), вероятно, мехами и продовольствием [1, с. 28; 10, с. 13; 13, с. 257, 261; 16, с. 34], «на потребу» привезенными, по-видимому, не «в почесть», о чем упоминается в Лихачевской редакции (далее – ЛР) «Сказания» Саввы Есипова, а в качестве ясака [2, с. 208; 4, с. 90; 7, с. 194; 10, с. 142, примеч. 18; ср. с. 12; 12, с. 33, примеч. 1; с. 158, и др.], как утверждали сибирские и сольвычегодские книжники, появился в Искере через четыре дня после занятия его храбрым «товарством» [см., напр.: 5, с. 56, 84, 93, 111, 122, 183; 8, с. 26, 71–72, 100]. Это сообщение, которое иногда возводилось к показаниям «ермаковых казаков», если не потомков Бояра [9, с. 21; 10, с. 222; 11, с. 65, 90], обнаруживает зависимость от известной автору протографа ОЕЛ и ОСЛ Летописной книги о Смутном времени [9, с. 21–22], и можно думать, что князь с реки Демьянки, что в низовьях Иртыша, встретился с «велемым» атаманом и его соратниками позднее.

Один из редакторов ОЕЛ указал на то, что вслед за Бояром, очевидно, по его примеру, в Искер с дарами и запасами явились другие остяки, а также жившие там ранее татары [5, с. 243, 308, 361]. В ЛР повести «О Сибири и о Сибирском взятии» поясняется, какие дары принесли атаманам и казакам, накануне вступившим в бывшую столицу «Кучумова царства», остяки во главе с Бояром: «соболи добрые, лисицы бурые, куницы черныя, бобры пореш[ны] черныя». В других разновидностях «истории» Есипова об этом мы не прочтем. К примеру, в Погодинском летописце (далее – ПЛ) в данной связи упоминается «мяхкие рухлядь», что может считаться «вымышленным обстоятельством» [5, с. 132; 9, с. 104].

Хотя на острую нехватку продовольствия в недавней столице обширного юрта в 1582/83 г. прямых указаний нет, по замечанию Е. А. Рябининой, брошенных там «кучумлянами» «запасов, очевидно, было не настолько много, чтобы дать даже казачьему отряду перезимовать, не испытав голода», и в декабре, о чем сказано в синодике «ермаковым казакам» и многих летописях, русским пришлось «заниматься рыболовством» [5, с. 56, 71, 84, 90, 111, 117, 123, 128, 380, и др.; 13, с. 257]. Думается, привезенное Бояром «ястие» позволило «Ермаковой дружине» выжить в первую зиму, проведенную в Искере, а вскоре после пленения «резвыми воями» царевича Маметкула (Маметкула) весной 1583 г. (видимо, в апреле [10, с. 118]) казаки предприняли экспедицию в Обь-Иртышье и, не исключено, еще одну – к Чимги-Туре. (Хлеб в прежнюю ханскую резиденцию могли доставлять не остяки, а занимавшиеся земледелием татары.)

Во всех летописях (кроме ПЛ), созданных в Сибири и Соли Вычегодской, говорится о смерти князя Семена Болховского (нередко он представлен Волконским) и многих ратных людей, прибывших с ним за Урал, голодной зимой 1582/83 г. в Искере, т. е., получается, если принять во внимание царскую грамоту от 7 января 1584 г. и особенно известия ПЛ, за два года до гибели молодого воеводы и почти всего его отряда, и о доставке съестных припасов в этот город «от ловитв своих» (порой указывается, что рыб, птиц, зверей, животных или «животин») татарами и остяками весной, причем в изобилии [5, с. 34, 40, 60, 86, 94, 112–113, 124, 184, 247, 309, 363; 8, с. 32, 77, 100]. (Е. К. Ромодановская и В. В. Трепавлов разделяли летописную датировку кончины Болховского и большинства других «присыльных (с Руси. – Я. С.) людей» [6, с. 140–141; 12, с. 33, примеч. 1]). По мнению В. В. Трепавлова, татары и остяки привезли в Искер ясак. На основании ЛР летописи Есипова видный историк, однако, склонился к выводу о том, что в город, превратившийся в казачий лагерь, «иноязычные люди» прибыли с запасами, дабы торговать ими [12, с. 33, примеч. 1]. Как мы читаем в ЛР, татары и остяки «многия запасы из далних и из ближних горотков стали продовати». Вероятно, данное известие ЛР, как и немало других [см., напр.: 9, с. 66–68, 72, 315, 316], восходит к ОСЛ, согласно которой с наступлением в Искере изобилия (после голода в «зимнюю годину») казаки обогатились «от торгу мяхкие рухляди» [5, с. 124; 8, с. 33], т. е. за счет обмена ее на съестные припасы, что представляется сомнительным. Скорее всего татары и остяки явились туда с ясаком. Кстати, в ОСЛ повествуется о том, что Сейдяк, подойдя к Тобольску, «государевым воеводам сказася», что прибыл «для торгу», чем в первый день и занимался, а утром следующего напал на город, был ранен

и взят в плен [8, с. 42, ср. 87–88, 102]. Эту версию «поимания» русскими бека Искера, явно расходящуюся с есиповской, следует признать фантастической [9, с. 41, 50, примеч. 69; 14, с. 10, и др.].

«Слогатель» ПЛ – единственной вторичной редакции летописи «Сибирское царство и княжение и о взятии, и о Тоболске граде», вышедшей из-под пера Есипова, которая зависит от документальных материалов, отложившихся в архивах одного из московских приказов и тобольской воеводской палаты (в частности, «расспросных речей» ермаковых казаков – и прибывших в столицу в числе «остальцев» рати Болховского, и позднее несших службу в «разрядном» центре Сибири), – однако, опустил свидетельство владычного дьяка о доставке «иноземцами» различных припасов в город, где недавно разместились русские. Анонимному книжнику, сочинившему «Повесть летописную, откуда начая царство бисерменское в Сибири ...», стало известно, что вместе с ермаковцами, пережившими своего «храброго смлада» атамана, и «сидельцами», недавно очутившимися за Уралом, голова (вероятно, стрелецкий) Иван Глухов «на лето, как вода (в реках. – Я. С.) вскрылась, пошел ис Сибири черес Камень». Из ПЛ мы узнаем о том, что служилые и даточные люди (казанские, свияжские, пермские, вятские, «иных городов» – согласно А. Т. Шашкову, набранные в Подмоскovie и Тульском уезде) – все или многие, не имея никакого «запасу» (вероятно, ко времени, когда добрались до Искера), «померли з голоду», «от скудости хлебные» в первую же зиму, проведенную в «городе царя Кучюма», т. е. в 1584/85 г. [3, с. 484; 5, с. 133, 135, ср. с. 138; 10, с. 41–42, 137, 156, 177, 181, 201, и др.]. Оставшиеся в живых «присылные люди» (сколько их было, не сказано) и 90 ермаковцев под началом Глухова, «убоявшись» «поганных» (о чем подобно Есипову писали и многие другие редакторы его «сложения» [5, с. 34, 40, 63–64, 87, и др.; ср. с. 73, 74, 78]) и сделавшись «беззапасными до конца», т. е. когда у них иссякло продовольствие, двинулись вниз по Иртышу, вниз по Оби, Соби и следом через Пустоозеро оказались на Руси. (В трех редакциях Сибирского летописного свода утверждается, будто русские отправились из «города Сибири» «со всякими запасы в стругах» [5, с. 250, 311, 364], но едва ли стоит безоговорочно доверять этому сообщению).

По мнению А. Т. Шашкова, которое следует признать всего лишь догадкой, на Тагильском волоке, выполняя приказ неопытного воеводы, стрельцы оставили значительную часть съестных припасов в надежде вернуться за ними со временем; сделать это не удалось, что вскоре и привело к страшному голоду в Искере [15, с. 175–176, и др.]. Если служилые люди, подчиненные князю С. Д. Болховскому, так и поступили, то, скорее всего, дабы обеспечить гарнизон заложенного в ту пору Верхнетагильского острога. Голод зимы 1584/85 г. стал результатом блокады Искера отрядами Кучюма [10, с. 177–178], Али (вступившего в этот город сразу после ухода оттуда «христианских воев»), владельцев соседних «улусов» (однако едва ли, как подобно Д. И. Копылову находила Е. К. Ромодановская [7, с. 215, 216], Карачей, т. е. бывшим карачи-беком, который годом прежде со «срамом велиим» отступил из-под «града Сибири»). Однако основная часть продовольствия могла быть израсходована ратниками Болховского еще тогда, когда они в течение около полугода продвигались из Чердыни к городу, совсем недавно являвшемуся ханской ставкой. (Известно, что служилые и даточные люди часто брали с собой в походы съестные припасы на срок от 2 до 5 месяцев.)

Версию ПЛ мы вправе предпочесть остальным: именно отсутствие продовольствия заставило уцелевших ермаковцев и ратников, накануне «присланных» в Сибирь, отправиться оттуда на Русь.

Благодаря ОЕЛ, ОСЛ, зависимым от них произведениям известно, что вслед за истреблением Карачей (Маметом или Мухаммадом) станицы атамана Ивана Кольца татары начали убивать казаков «по волостем и по улусом» [5, с. 61–62, 86, 95, 113, 124, 134, и др.] – быть может, тех, которые собирали ясак, занимались охотой и рыболовством.

Нужду в продовольствии, видимо, ермаковцы испытывали и на протяжении нескольких месяцев, когда (весной – в начале лета 1584 г.) Карача осаждал Искер, поскольку в то время татары, по словам Есипова, «многую ... тесноту деяше гражденюм». Недаром в ОСЛ говорится о намерении бывшего ханского визиря уморить голодом окруженных в «граде Сибири» русских [2, с. 886; 5, с. 62, ср. с. 40, 95, 113, 125, 134, 248, примеч. 22 – 23; с. 310; 8, с. 35, ср. с. 80, 101].

Таким образом, судя по летописным сочинениям, голод, изгнавший из Искера немногочисленный отряд И. Глухова, сопровождал и двум предыдущим зимовкам казачьего «войска» в этом городе.

1. История Сибири : в 5 т. – Ленинград : Наука, Ленингр. отделение, 1968. – Т. 2 : Сибирь в составе феодальной России. – 538 с.
2. История татар с древнейших времен : в 7 т. – Казань : Изд-во Ин-та истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – Т. IV : Татарские государства XV–XVIII вв. – 1080 с.
3. Миллер, Г. Ф. История Сибири / Г. Ф. Миллер. – 2-е изд., доп. – Москва : Изд. фирма Восточная литература РАН, 1999. – Т. I. – 630 с.
4. Очерки истории Коды. – Екатеринбург : НПМП «Волот», 1995. – 189 с.
5. Полное собрание русских летописей. – Москва : Наука, 1987. – Т. 36. – Ч. 1. – 382 с.
6. Ромодановская, Е. К. Сибирское летописание и хронология похода Ермака / Е. К. Ромодановская // Сибирские огни. – 1981. – № 12. – С. 134–141.
7. Ромодановская, Е. К. Сибирь и литература. XVII век / Е. К. Ромодановская. – Новосибирск : Наука, 2002. – 390 с.
8. Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). – Рязань : Александрия, 2008. – 645 с.

9. Солодкин, Я. Г. «Беседа к вашей любви ...». Спорные проблемы истории сибирского летописания XVII века / Я. Г. Солодкин. – Нижневартовск : Изд-во Нижнеарт. гос. ун-та, 2017. – 330 с.
10. Солодкин, Я. Г. «Ермаково взятие» Сибири. Дискуссионные проблемы истории и источниковедения / Я. Г. Солодкин. – Нижневартовск : Изд-во Нижнеарт. гос. ун-та, 2015. – 234 с.
11. Солодкин, Я. Г. Становление сибирской летописной традиции (спорные источниковедческие проблемы) / Я. Г. Солодкин. – Нижневартовск : Изд-во Нижнеарт. гос. гуманитар. ун-та, 2009. – 177 с.
12. Трепавлов, В. В. Сибирские царевицы в истории России / В. В. Трепавлов, А. В. Беляков. – Санкт-Петербург : «Изд-во Олега Абышко», 2018. – 496 с.
13. Тюменское и Сибирское ханства / под ред. Д. Н. Маслюженко, А. Г. Ситдикова, Р. Р. Хайрутдинова. – Казань : Изд-во Казан. федерального ун-та, 2018. – 560 с.
14. Шашков, А. Лодейный город / А. Шашков // Родина. – 2004. – Спец. вып.: Тобольск – живая былина. – С. 7–11.
15. Шашков, А. Т. К истории возникновения в конце XVI в. первых русских городов и острогов на восточных склонах Урала / А. Т. Шашков // Уральский сборник. История. Религия. Культура. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1997. – С. 174–179.
16. Шашков, А. Т. Начало присоединения Сибири / А. Т. Шашков // Проблемы истории России. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2001. – Вып. 4. Евразийское пограничье. – С. 8–51.

Богатырёва Е.И.
ДОКУМЕНТЫ «ПОРУЧИТЕЛЬСТВА» ИЗ НОВГОРОДСКОГО ОККУПАЦИОННОГО АРХИВА
В СТОКГОЛЬМЕ

Новгородский оккупационный архив в Стокгольме является крупнейшим собранием документов по русской позднесредневековой истории 1611–1617 годов. Он содержит административные записи, связанные с Новгородом и Новгородской землей.

Еще в июле 1611 г., когда Швеция вмешалась во внутренние дела Московского государства, шведский военачальник Якоб Делагарди занял Новгород, заключив соглашение о переходе города под протекцию шведов. Шесть лет длилась оккупация на Новгородской земле, которая внесла определенные коррективы в жизнь общества и сформировала шведскую административную систему с сохранившимися русскими элементами права. И только 27 февраля 1617 г. был заключен Столбовский мир между враждующими государствами. После этого, как указывает Лайла Нордквист, Якоб Делагарди вывез архив из Новгорода сначала на территорию современной Эстонии, а оттуда в Швецию [8, с. 285]. Спустя время он оказался в Государственном архиве в Стокгольме. Есть мнение, что благодаря этому документы удалось спасти от пожаров, которым подвергались русские архивы в XVII веке [8, с. 285].

В ходе изучения материалов перед их изданием, он был разделен на две части, имеющие отличия по характеру и происхождению. В Serie 1 [1] вначале приведены документы, по которым можно проследить хронологию событий, происходивших в России с 1611 по 1617 гг. со шведской точки зрения; встречается описание неудачного штурма шведскими войсками Пскова в 1615 г. Помимо этого здесь можно увидеть документы об изъятии зерна у «предателей», конфискации денег, книги сбора налогов, судебных пошлин, тех или иных административных приказов, банных книг и кабацких книг.

В Serie 2 [2] приведены документы, отражающие, в том числе, рассмотрение дел о «предателях» и конфискации товаров. Однако данная серия отличается наличием таких описей, как судные грамоты, купчие записи, служилые дела, челобитные, документы о закупке, обыскные грамоты. Весь объем обеих серий составляет порядка 30 000 листов.

В связи с этим возникла необходимость проанализировать те архивные записи, которые связаны непосредственно с Псковом.

В ходе исследования была составлена классификация найденных источников, относившихся к Псковщине: 1) Незаконная торговля Пскова с Порховым; 2) Допросы Шведами по ситуации в Пскове и в других городах России; 3) «Военные действия шведов в отношении Пскова»; 4) О миграции людей в Псков из Новгорода и наоборот; 5) Перечень документов о «предателях»; 6) О «разбойниках» и «ворах» из Пскова; 7) Поручительства за различных лиц, которые обязуются не начинать или прекратить какие-либо связи с Псковом.

Далее будет рассмотрен последний блок из приведенной классификации.

В первую очередь следует сказать об исторической обстановке, связанной с написанием данных источников. Высшую власть в период 1611 по 1614 гг. имел Якоб Делагарди – сын французского наемного солдата и внебрачной дочери короля. В конце 1608 г. был назначен командующим войсками против России. Когда в 1611 г. шведы захватили Новгород, встал вопрос о выборе царя Новгородской земли. Вначале был выбран сын Карла IX Густав Адольф, но спустя время, во власть вступил младший брат Густава Адольфа Карл Филипп. Именно на его имя направлялись челобитные. Лишь с 1615 г., когда Густав Адольф лично приехал на территорию военных действий, челобитные перенаправлялись на его имя [9, с. 150].

В ходе исследования удалось найти несколько поручительств, связанных с псковскими и новгородскими людьми и их близкими, а именно: